

ОРТОКУЗЕННЫЙ БРАК, ЖЕНСКАЯ ЗАНЯТОСТЬ И «АФРАЗИЙСКАЯ» ЗОНА НЕСТАБИЛЬНОСТИ*

А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, М. А. Руденко

В предыдущих исследованиях были выделены пять главных зон нестабильности, которые условно можно обозначить как Центральноазиатскую (включающую Афганистан и Пакистан), Ближневосточную, Североафриканскую, регион Сахеля и Тихоокеанскую. При этом последняя явно выделяется из общего списка, распространяясь исключительно вдоль границ Китайской Народной Республики и являясь скорее следствием китайских внешнеполитических приоритетов и амбиций. Что же касается остальных регионов, то они в совокупности представляют собой единую непрерывную «афразийскую макрозону нестабильности».

Напомним, что конфликтогенность этих зон связана со следующим. Центральноазиатский регион (Рис. 1) на протяжении последних десятилетий является зоной распространения нестабильности с центром в Афганистане, где даже длительное пребывание коалиционных войск НАТО не смогло полностью разрешить конфликт. Существенно усугубилась ситуация и в соседнем Пакистане, где после ухода президента Первеза Мушаррафа лишь усилились риски возникновения социально-политической нестабильности. А после распада СССР заметно ухудшилось положение дел и в бывших советских центральноазиатских республиках, подтверждением чему могут служить гражданская война в Таджикистане, киргизские революции и этнические беспорядки в Оше, восстание в Андижане и беспорядки в Жанаозене (Акаева и др. 2013).

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2014 г. при поддержке РГНФ (проект № 14-02-00330).

При этом события «арабской весны», обнажившие кризис авторитарных режимов старого типа, выполнивших свои «теологические функции – первичную модернизацию и национальную консолидацию» (см.: Труевцев 2011), – грозит и республикам бывшего Советского Союза, где с проблемой передачи власти в ближайшее время столкнутся Н. Назарбаев и И. Каримов, а также Э. Рахмон. Таким образом, центральноазиатская зона нестабильности является одним из наиболее взрывоопасных регионов мира, что приобретает особую актуальность для Российской Федерации, имеющей весьма протяженную границу с Казахстаном.

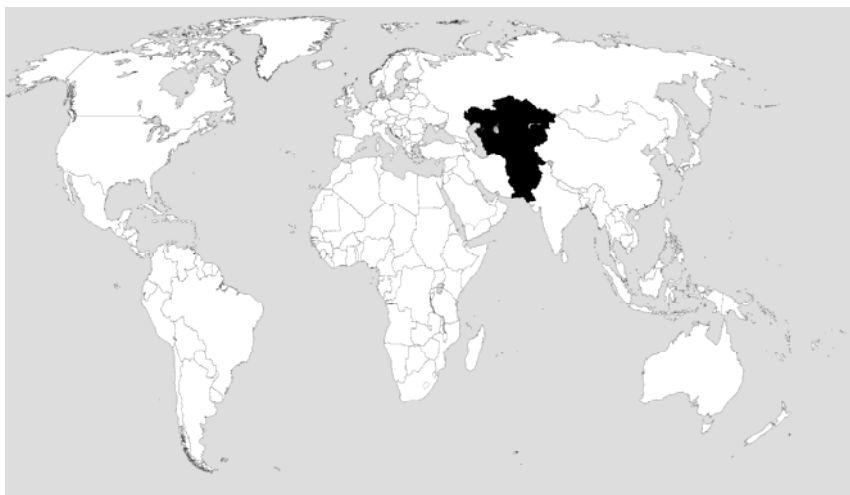

Рис. 1. Центральноазиатская зона нестабильности

Второй зоной нестабильности является Ближний Восток (Рис. 2) – традиционно одно из самых конфликтогенных мест в мире. Помимо ставшего уже перманентным ближневосточного конфликта, после событий «арабской весны» (Коротаев и др. 2012; 2013) ситуация заметно усложнилась гражданской войной в Сирии, уже оказавшей влияние на такие соседние страны, как Ирак, Ливан, Иран, Турция, Иордания, Израиль и Саудовская Аравия. Конфликт опасен тем, что представляет собой не просто противостояние режима президента Башара аль-Асада с повстанцами, но способен привести к межнациональной войне, особая роль в которой отводится курдам, самой крупной из ныне существующих национальностей в мире, не имеющих собственного государства.

Рис. 2. Ближневосточная зона нестабильности

Однако еще более разрушительные последствия может принести противостояние, носящее межконфессиональный характер. На политической карте Ближнего Востока вновь становится заметным противостояние двух «полумесяцев»: шиитского и суннитского (подробнее см.: Исаев 2011). На сегодняшний день опасность противостояния между шиитами и суннитами актуализировалась. В качестве «шиитского полумесяца» выступают Иран и контролируемые шиитами Ирак, Сирия¹ и Ливан, при этом «суннитский полумесяц» постирается вдоль североафриканского побережья от Марокко до Египта, захватывая далее монархии Аравийского полуострова, Сирию и Турцию. Таким образом, становится очевидным, что Сирийская Арабская Республика в заметной степени оказалась ареной противостояния между двумя направлениями в исламе, чем и можно объяснить столь принципиальную позицию соседних государств в отношении сирийского конфликта.

Следующей зоной является Северная Африка (Рис. 3), где ситуация заметно осложнилась в ходе и после свержения режима М. Каддафи, подтверждением чему стал конфликт в Мали и наметившаяся тенденция к превращению Ливии, по сути, в конгломерат независимых друг от друга территорий.

¹ Применительно к Сирии речь скорее идет о шиитско-алавитском блоке.

Рис. 3. Североафриканская зона нестабильности

Здесь важно отметить, что при всех перегибах правления М. Каддафи ему удалось выступать в качестве гаранта стабильности в регионе, поддерживая хорошие отношения с кочевыми племенами на южных границах стран Магриба. То же самое можно сказать и о египетском президенте Х. Мубараке, приложившем немало усилий для сохранения мира и безопасности на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Однако очередная революционная волна в Египте и последовавшее за этим свержение демократически избранного президента М. Мурси лишь усугубили политический кризис в стране, являющейся ключевой в регионе, и скорее способствовали дальнейшему пребыванию североафриканских стран в зоне политической турбулентности. При этом египетский прецедент послужил катализатором для тунисцев, уже проявлявших недовольство установившимся исламистским режимом в лице партии «ан-Нахда»² (см., например: Исаев 2013б).

Наконец, четвертая зона нестабильности простирается в районе так называемого Сахеля и Африканского Рога (Рис. 4): от южной части Сахары на севере до Нигерии и ЦАР на юге и от Сомали на востоке до Сенегала на западе.

² В чем-то похожие процессы прослеживаются и в Турции (см., например: Коротаев 2013), однако потенциал социально-политической дестабилизации, связанной с данными процессами, здесь заметно меньше, чем в Египте и даже Тунисе.

Рис. 4. Сахельская зона нестабильности

С момента получения независимости большинство из этих стран стали зоной неутрачивающих противостояний. Ситуация здесь особенно усложняется конфликтом в Ливии, возникшим в ходе событий «арабской весны», а также многолетним противостоянием между Южным и Северным Суданом, превратившимся в источник одной из наиболее масштабных катастроф на всем Африканском континенте в последние десятилетия. Сюда же надо добавить и периодически обостряющиеся этнические противоречия в самом Южном Судане (прежде всего между динка и нуэрами).

Нетрудно заметить, что все четыре описанные выше зоны образуют единую непрерывную макрозону нестабильности, которую можно обозначить как «афразийскую» (Рис. 5): очевидно, что эта макрозона в настоящее время является основной областью концентрации внутренней социально-политической напряженности. Мир за пределами этой макрозоны выглядит сейчас намного более спокойным³.

³ Конечно, случаи социально-политической дестабилизации наблюдаются и за пределами этой зоны. Скажем, в 2013–2014 гг. мы имели дело с достаточно мощными социально-политическими потрясениями в Таиланде, Украине, Венесуэле и Боснии. Но в «афразийской» зоне нестабильности речь идет о заметно более масштабной (и заметно более кровавой) дестабилизации, когда за неделю суннитского натиска в июне 2014 г. погибло больше человек, чем за весь 2013–2014 год (до июля) в Таиланде, Украине, Венесуэле и Боснии, вместе взятых (даже с учетом погибших в гражданской войне на юго-востоке Украины).

Рис. 5. «Афразийская» макрозона нестабильности

А теперь сопоставим «афразийскую» зону нестабильности с зоной распространения ортокузенного брака. В целом кузенные браки (то есть браки между двоюродными братьями и сестрами) имеют самое широкое распространение в традиционных культурах мира (см., например: Ember 1983: 83; Pasternak *et al.* 1997: 133). Но в подавляющем большинстве случаев речь идет о кросскузенном браке (то есть о женитьбе на дочери брата матери или дочери сестры отца). Дело в том, что кросскузены (то есть дети брата и сестры) принадлежат к разным родам, и поэтому брак между ними обычно не считается кровосмесительным, так как он не нарушает принципа родовой экзогамии (то есть запрета брать себе брачного партнера изнутри собственного рода), в то время как экзогамия была характерна для родовой организации подавляющего большинства народов мира, такую организацию имевших (см., например: Коротаев, Оболонков 1989, 1990).

Другой основной тип данной формы брака, ортокузенный брак, встречается значительно реже. Ортокузенный брак может быть подразделен на два подтипа: матрилateralный (с дочерью сестры матери) и патрилateralный (с дочерью брата отца). Первый из этих подтипов особенно редок – собственно говоря, нам известен лишь один такого рода этнографический случай: туареги Сахары, среди которых подобная форма брака традиционно являлась предпочтительной (см., например: Першиц 1998: 543). Второй подтип имеет значительно более широкое распространение; тем не менее,

он засвидетельствован в качестве предпочтительного лишь у нескольких десятков (из нескольких тысяч) этнических групп мира, и при этом картина пространственного распределения этих культур имеет довольно определенный характер.

Ниже (Рис. 6) приводится карта традиционного распространения ортокузенного брака. Черным залиты страны/области, где ортокузенный брак традиционно имел очень широкое распространение, серым – те страны/области, где он традиционно имел заметное (но не очень широкое) распространение.

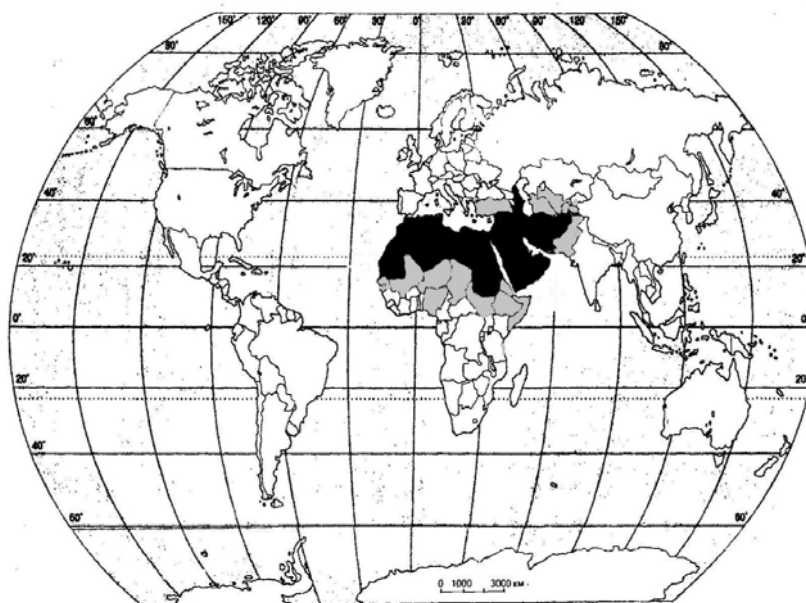

Рис. 6. Традиционная зона распространности ортокузенного брака

Источники данных для составления карты: Murdock 1967; Murdock *et al.* 1990; 1999–2000; Толстов и др. 1963: 110, 552, 595, 606, 616; Кисляков 1969: 58–59; Андреев 1949: 10; Моногорова 1949: 106; Андреев 1953: 121–122; Ишанкулов 1972: 24; Шаниязов 1964: 141.

Теперь сопоставим зону традиционного распространения ортокузенного брака с «афразийской» макрзоной социально-политической нестабильности (см. Рис. 7).

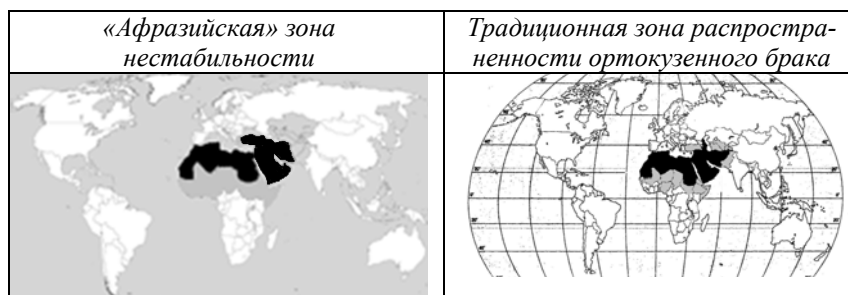

Рис. 7. «Афразийская» зона нестабильности и традиционная зона распространности ортокузенного брака в сопоставлении

Нетрудно видеть, что пространственные границы обеих зон совпадают практически идеально (хотя, естественно, и не на 100 %).

Вместе с тем мы не думаем, что между двумя этими переменными (ортокузенный брак и социально-политическая нестабильность) есть причинно-следственная связь, хотя С. Курц (Kurtz 2007) и выдвигал гипотезу о наличии такого рода связи со ссылкой на работу одного из авторов этой статьи (Korotayev 2000). Мы уверены, что за ними стоит некая третья – более глубокая – переменная, судя по всему, цивилизационного порядка. Это соображение подтверждается и тем, что «афразийская» макрозона нестабильности, а соответственно и зона традиционного распространения ортокузенного брака, почти идеально (лишь со считаным количеством исключений) совпадает и с зоной сверхнизкой доли экономически активных женщин (см. Рис. 8). На этом рисунке черным цветом залиты страны со сверхнизким (< 29 %) процентом экономически активных женщин в общей численности взрослого женского населения (≥ 15 лет), а серым – страны с очень низкой (29–38 %) долей.

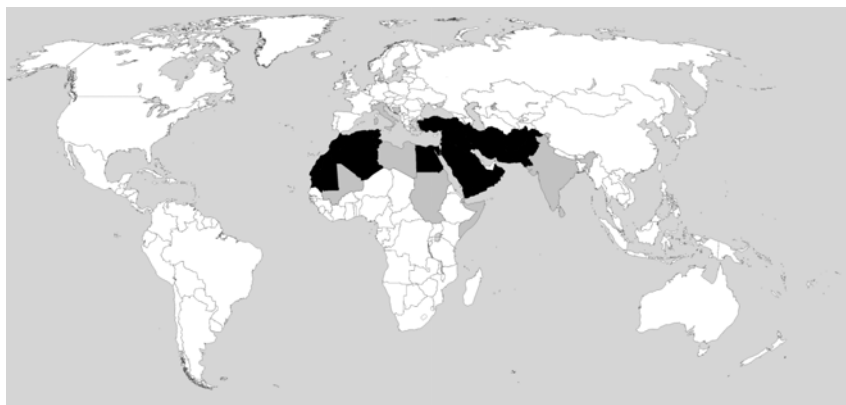

Рис. 8. Страны с наименьшей долей экономически активных женщин
Источник данных для составления карты: World Bank 2013.

Как мы видим, и зона крайне низкой женской занятости чрезвычайно близко совпадает как с зоной традиционного распространения ортокузенного брака, так и с «афразийской» макрозоной социально-политической нестабильности. При этом в данном случае функциональная связь с социально-политической нестабильностью более наглядна. Скажем, в Египте явным предвестником событий 2011 г. была начавшаяся 6 апреля 2008 г. забастовка ткачей на текстильной фабрике в городе Аль-Махалла-аль-Кубра. Именно в ходе нее в сети «Фейсбук» возникла группа «Движение молодежи 6 апреля» (как группа поддержки бастующих), которая в дальнейшем явилась одним из главных организаторов «революции 25 января» в Египте (см., например: Wolman 2008). Практически в любых других странах за пределами «афразийской» зоны на ткацких фабриках работают женщины, а в Египте – мужчины. Если бы на текстильной фабрике аль-Махаллы-аль-Кубры работали женщины, а не мужчины, сомневаемся, что их удалось бы «вывести на улицу». Однако вполне понятно, что речь здесь идет хоть и о значимом, но отнюдь не одном из самых важных факторов, генерирующих социально-политическую дестабилизацию.

Отметим, что наше прошлое исследование феномена ортокузенного брака (см.: Korotayev 2000) показало, что наиболее тесная корреляция здесь наблюдается с включением той или иной терри-

тории в состав Омейядского халифата. Действительно, именно в этом случае наблюдается особенно тесная корреляция⁴ (см. Рис. 9).

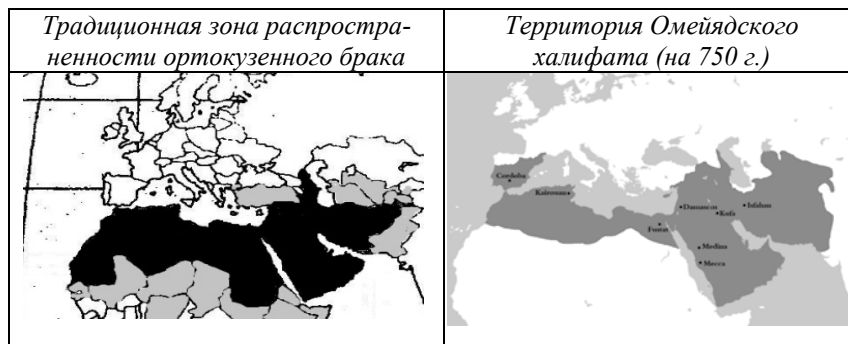

Рис. 9. Традиционная зона распространности ортокузенного брака в сопоставлении с территорией Омейядского халифата (на 750 г.)

В целом же достаточно очевидно очень тесное совпадение всех рассмотренных зон (см. Рис. 10).

Как мы видим, территории «афразийской» макрзоны нестабильности, зоны распространения ортокузенного брака, Омейядского халифата и зоны сверхнизкой женской занятости чрезвычайно близки.

Чем же объясняется столь тесная корреляция? Начнем нашу попытку ответа на этот вопрос с рассмотрения вопроса о том, почему границы зоны традиционного распространения ортокузенного брака столь близки к границам Омейядского халифата.

⁴ Что было показано нами и при помощи формальных статистических процедур (Korotayev 2000).

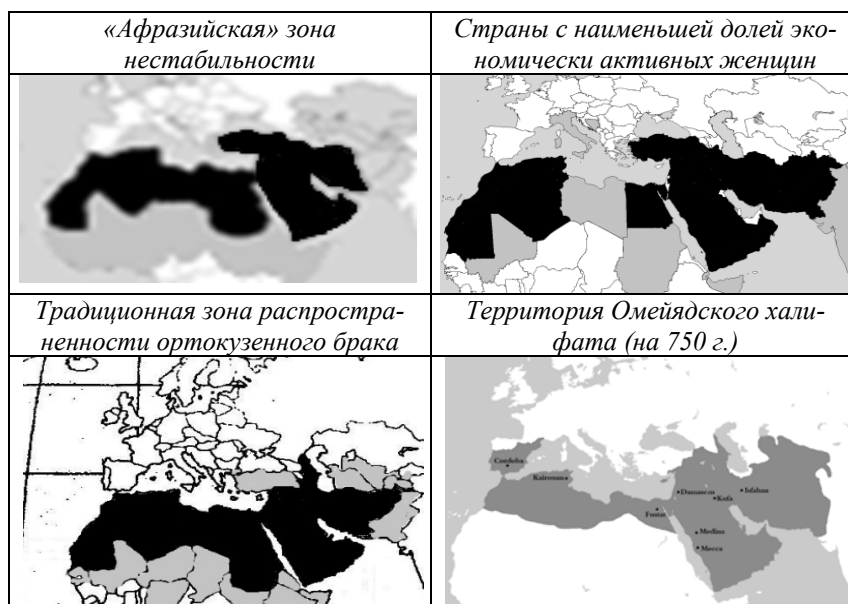

Рис. 10. Традиционная зона распространности ортокузенного брака, территория Омейядского халифата, зона сверхнизкой женской занятости и Афразийская макрizona нестабильности в сопоставлении

С одной стороны, по-видимому, трудно отрицать наличие определенной функциональной связи между исламом и предпочтительным патрилатеральным ортокузенным браком. В самом деле, подобная форма брака оказывается высокоадаптивной именно в традиционном исламском контексте. Как хорошо известно, важной чертой исламского права является то, что оно настаивает на доле дочери в наследстве (хотя эта доля и оказывается в два раза меньшей, чем доля сына). Более того, дочь должна иметь твердую долю в наследовании всех видов собственности, остающихся после смерти ее отца. «...Коранические аяты, посвященные проблемам наследования (4: 7, 11–12, 176) <...>, даровали права наследования дочерям в патриархальном обществе, в котором все права такого рода традиционно принадлежали лишь наследникам мужского пола. На Западе женщины были лишены такого рода прав вплоть до XIX века» (Esposito 1998: 95; см. также: Schacht 1964; Esposito 1982). Ислам-

ские религиозные власти обычно уделяли большое внимание обеспечению соблюдения этих норм, расценивая любые попытки лишить дочь ее доли во всех видах причитающейся ей собственности как ясную манифестацию «Сатанинского права» (*tāghūt*) (см.: Dresch 1989).

Данная норма, по всей видимости, не создавала каких-либо серьезных проблем в несельскохозяйственной торговой Мекке. Однако эта норма зачастую создавала самые серьезные проблемы в патрилинейном экзогамном патрилокальном контексте среди интенсивных земледельцев.

Представим себе в подобном контексте расширенную семью плужных земледельцев, живущую в однородном поселении и обладающую большим, компактным и удобным для эксплуатации массивом земли. Для подобной семьи соблюдение вышеописанных исламских норм без изменения брачных практик имело бы следующие последствия.

В каждом поколении заметная часть земли будет наследоваться дочерьми. Однако при экзогамном патрилокальном браке дочери должны будут выходить замуж за мужчин из других деревень. Напомним, что речь здесь идет о традиционных плужных земледельцах, которые к тому же мусульмане (с характерной для них в традиционных условиях той или иной степенью затворничества женщин). В подобном контексте обрабатывать и контролировать землю реально будет скорее муж дочери, но не сама дочь. Соответствующий участок земли, таким образом, должен будет перейти под фактический контроль большесемейной общины мужа дочери. В результате на протяжении жизни всего лишь нескольких поколений большой, компактный и удобный для эксплуатации массив земли превратится в «лоскутное одеяло» из мелких участков земли, находящихся под фактическим контролем разных домохозяйств, принадлежащих к тому же к различным общинам-поселениям. Мужчины, входящие в состав рассматриваемой нами расширенной семьи, конечно, получают в свою очередь контроль над различными мелкими участками земли, унаследованными их женами. Но мозаика этих мелких участков, разбросанных по окрестностям деревни, вряд ли сможет послужить адекватной компенсацией за утрату большого, компактного и удобного для экс-

плуатации массива земли, когда-то контролировавшегося данной расширенной семьей.

В подобного рода социально-юридическом контексте патрилатеральный ортокузенный брак мог бы действительно эффективно решить описанную выше проблему. Если твоя дочь выходит замуж за сына твоего брата, земля, которую она унаследует, останется под контролем твоей семьи, которая не столкнется в этом случае ни с одной из вышеописанных проблем (см., например: Rosenfeld 1957). Таким образом, наличие значимой корреляции между исламизацией культур и наличием в них предпочтительного патрилатерального ортокузенного брака не представляется ни в какой степени удивительным.

Здесь, однако, необходимо обратить внимание на следующие моменты. Исламское право не запрещает патрилатеральный ортокузенный брак. Но оно его ни в какой степени и не предписывает (см., например: Schacht 1964; аль-Джазири 1990 [1410]: 60–61). Однако большинство традиционных культур имеет совершенно отчетливое представление об инцестуозном характере связи между мужчиной и дочерью брата его отца. Это очевидно уже из того факта, что в большинстве языков мира термин для обозначения дочери брата отца (как, впрочем, и дочери сестры матери) идентичен термину, обозначающему родную сестру. Это обычно подразумевает, что брак с дочерью брата отца (или дочерью сестры матери) рассматривается как аналогичный женитьбе на родной сестре (Коротаев 1999). Таким образом, здесь мы имеем дело со своего рода «когнитивной проблемой»⁵.

В рамках такого рода контекста разрешение жениться на дочери брата отца само по себе оказывается недостаточным для преодоления вышеупомянутой «когнитивной проблемы», даже если подобная женитьба может принести определенные экономические преимущества жениху и его семье (что и наблюдается, например, среди большинства исламских обществ Африки к югу от Сахары). Очевидно, в дополнение к исламизации должен действовать еще какой-то фактор, который мог бы привести к распространению предпочтительного патрилатерального ортокузенного брака.

⁵ Этот термин для описания данной ситуации был предложен Д. Кроненфельдом в ходе 29-й ежегодной конференции Общества кросс-культурных исследований (Новый Орлеан, штат Луизиана, 24.02.2000).

Нет особых сомнений в том, что подавляющее большинство известных нам случаев предпочтительного патрилатерального ортокузенного брака является результатом диффузии из, по всей видимости, единого источника. Есть некоторая вероятность того, что вышеописанная «когнитивная проблема» была решена лишь считанное число раз (по крайней мере в той степени, в какой речь идет о решении, ведущем к сложению предпочтительного патрилатерального ортокузенного брака) и что одно из этих решений привело в конечном счете к появлению многих десятков культур, характеризующихся данной брачной практикой и занимающих обширный, но вместе с тем достаточно компактный ареал Старого Света.

В эпоху своего возникновения предпочтительный патрилатеральный ортокузенный брак не имел никакого отношения к исламу. Когнитивная проблема была, видимо, решена где-то в сиропалестинском регионе задолго до рождения Христа (древнейшие случаи упоминания этой практики относятся к евреям Ветхого Завета [см., например: Fox 2011: 145]). М. А. Родионов (1999) справедливо привлекает внимание исследователей к тому факту, что рассматриваемая нами брачная практика традиционно имела широкое распространение и в неисламских культурах региона (например, среди маронитов или друзов), а также на то, что она может иметь значительную функциональную ценность и в неисламских контекстах, облегчая раздел имущества между братьями после смерти их отца (Там же). Мы согласны с М. А. Родионовым, что данная форма брака в этих случаях не может быть объяснена исламским или арабским влиянием. Речь здесь скорее может идти о происхождении этой формы брака как в исламском мире, так и в неисламских сиропалестинских культурах из единого источника.

Однако в доисламский период ареал распространения предпочтительного патрилатерального ортокузенного брака был крайне ограничен. Ситуация несколько изменилась в IV–V вв. В конце IV в. химьяритские правители Йемена принимают иудаизм в качестве своей государственной религии. В эту эпоху Киндиты, контролировавшие Центральную Аравию, были химьяритскими вассалами. Неудивительно, что химьяритские вассалы вскоре тоже стали исповедовать иудаизм. Как хорошо известно, в Ясрибе (современной Медине) в V–VI вв. доминировали еврейские племена (в реальности иудаизированные арабские племена); в оазисах к северу от Яс-

риба еврейские племена доминировали еще во время хиджры. Таким образом, в V в. в той или иной степени иудаизации подверглась бóльшая часть Аравийского полуострова (см., например: Большаков 1989; Французов 1995: 320, 328; Коротаев 2003; Коротаев и др. 2007; Stone 1987; Korotayev 1996; Korotayev *et al.* 1999; Frantsouzoff 1999: 29–30; Gajda 2009; Bowersock 2013: 78–91).

На этом фоне представляется отнюдь не случайным, что едва ли не единственным смежным с Палестиной регионом, где данная форма брака получила широкое распространение еще в доисламский период, был именно Аравийский полуостров (см., например: Негря 1981; Куделин 1994), где это распространение могло быть связано именно со значительным еврейским влиянием. Особую роль здесь могла сыграть иудаизация Киндитов, бывших в V в. наиболее знатным арабским кланом (см., например: Коротаев и др. 2007). Используемые ими иудейские практики в принципе могли заимствоваться другими арабскими кланами, даже если они и не переходили в иудаизм – уже из-за чрезвычайно высокого престижа этого арабского клана.

В любом случае к VII в. предпочтительный патрилатеральный ортокузенный брак получил достаточное распространение среди нескольких влиятельных арабских племенных групп (см., например: Негря 1981; Куделин 1994). В VII–VIII вв. взрывообразное распространение этой формы брака произошло, когда несущие исламизацию арабские племена расселились по всей территории Омейядского халифата. Хотя в дальнейшем предпочтительный патрилатеральный ортокузенный брак (вместе с исламом и арабами) распространился и за пределы границ Омейядского халифата, распространение это уже было крайне ограниченным. Таким образом, наблюдаемая картина распространения предпочтительного патрилатерального ортокузенного брака является в основе своей продуктом арабо-исламских завоеваний VII–VIII вв.

Исламская цивилизация у нас нередко обозначалась как «арабомусульманская» (что нередко встречало серьезные возражения со стороны наших коллег из Средней Азии, см., например: Ахмаджонзода 1988). Подчеркнем, тем не менее, что обозначение это представляется в некоторых отношениях довольно удачным. Дело в том, что данная цивилизация (в особенности в пределах территории первой исламской империи) инкорпорировала в себя многие

арабские неисламские элементы (и не может быть понята, если не принимать во внимание это обстоятельство).

Здесь необходимо отметить то положение, что в рамках арабомусульманского Халифата арабы представляли собой доминирующий этнос как минимум вплоть до «Аббасидской революции», произошедшей в середине VIII в., а арабская культура в целом (включая и ее неисламские компоненты, к числу которых, на наш взгляд, стоит отнести предпочтительный патрилатеральный ортокузенный брак) приобрела высочайший престиж и распространилась по территории всей империи.

После завоеваний арабы оказались контролирующими гигантское неарабское население. Немусульманской его части можно легко было дать статус, похожий на статус клиентов в Аравии, так чтобы они сохраняли свою собственную самоорганизацию в обмен на уплату налогов... Но неарабы, принявшие ислам, представляли собой новую проблему из-за того, что, с одной стороны, их нужно было инкорпорировать в арабское общество, а не просто контролировать; но, с другой стороны, они “забыли свои генеалогии”, испытали поражение и зачастую порабощение, так что они не могли представлять собою полноценных халифов (полноправных союзников); единственными неарабами, получившими подобный статус, были *hamra'* и *asawira*, персидские солдаты, перешедшие на сторону арабов во время завоевательных войн последних в обмен на привилегированный статус... Именно для решения этой новой проблемы и был разработан исламский институт *wala'* [то есть система включения неарабов в исламское общество в качестве зависимых неполноправных *mawali*. – Прим. авт.] (Crone 1991: 875).

Все-таки не может не впечатлять тот факт, что такой высокопрофессиональный специалист по раннеисламской истории, как П. Кроун, умудрилась не заметить другого (и несравненно более существенного!) исключения – йеменцев. Дело здесь, видимо, в том, что усилия йеменцев, стремившихся убедить арабов, что южноаравийцы являются такими же арабами, как и они сами⁶, или даже более чистыми арабами (*al-'arab al-'airibah* в отличие от *al-'arab al-musta'ribah* [см., например: Пиотровский 1977: 20, 23, 29; 1985: 67; Robin 1991 и т. д.]), чем сами арабы, и что они всегда были

⁶ А старания эти были небезосновательными, ибо часть арабов все-таки какое-то время отказывалась признавать арабами йеменцев (см., например: Пиотровский 1985: 67).

арабами, оказались столь успешными, что они убедили в этом не только самих арабов (см., например: Ibn al-Kalbī 1966: 40–41), но и арабистов.

Однако для того чтобы быть признанными арабами (а значит, и полноправными членами раннеисламского общества), йеменцы должны были перенять заметное количество собственно арабских практик, и при этом даже таких, которые прямо с исламом никак связаны не были. Хорошим примером здесь может служить заимствование йеменцами арабской генеалогической традиции.

Древние южноаравийские общины были «ша`бами», подчеркнута территориальными сообществами, не располагавшими сколько-нибудь разработанными генеалогиями:

В резком контрасте с североаравийской практикой составления длинных генеалогических списков (зафиксированной в сафаитских надписях и для доисламского периода) древняя южноаравийская идентификация человека состояла просто из его собственного имени плюс обозначения принадлежности к определенной социальной группе (обычно *байта*) с необязательным добавочным упоминанием имени отца, но никогда с указанием каких-либо предков более высокой степени. Здесь трудно не вспомнить приписываемое халифу Умару высказывание («Изучайте свои генеалогии и не будьте подобны «набатейцам» Месопотамии, которые, когда их спрашивают, кто они, отвечают «Я из такой-то деревни»»), которое Ибн Халдун цитирует с крайне примечательным комментарием, согласно которому утверждение это верно и по отношению к земледельческому населению Аравии... *Кабила*... это кровнородственное в основе свой объединение, и этим оно по сути своей отличается от *ша`ба*... В Коране (49:13) *ja`alna-kum shu`uban wa-qaba`ila* совершенно определенно относится к двум различным типам социальной организации, и Ибн Халдун, когда он говорит об оседлых жителях Аравии, строго употребляет слово *shu`ub*, а не *qaba`il*, которое он использует только для обозначения социальных объединений кочевников (Beeston 1972a: 257–258; см. также: *Idem* 1972b: 543; Ruyckmans 1974: 500; Robin 1982a; 1982b; Пиотровский 1985: 53, 69; Коротаев 1995; 1996a; 1996б; 1997; 1999; 2000a; 2000б; 2002a; 2002б; 2003; 2006 и т. д.).

В раннеисламскую эпоху под влиянием приобретшей в мусульманском мире высокий статус культуры североаравийских кочевых племен южноаравийские «ша`бы», продолжая оставаться в основе своей территориальными (Dresch 1989; Serjeant 1989), трансформи-

ровались в «*qabā'il*», племена, построенные формально по генеалогическому признаку (Коротаев 1995; 1996а; 1996б; 1997; 1999; 2000а; 2000б; 2002а; 2002б; 2003; 2006).

Трансформация территориальных «*ша`бов*» в генеалогические племена в свою очередь явилась результатом упорного труда южноаравийцев по разработке своих собственных генеалогий, а также их упорной (и вполне успешной) борьбы за признание этих генеалогий арабским миром (и по интеграции, таким образом, на довольно высоких позициях в арабский этнос, господствовавший в раннеисламском государстве [VII – середина VIII в.], – Питровский 1977; 1985).

Все это показывает, что в Омейядском халифате существовало хотя и неформальное, но исключительно сильное социальное давление на исламизированные группы неарабов, фактически заставлявшее их перенимать арабские нормы и практики, даже если они и не имели прямого отношения к исламу (это касалось, например, генеалогии и предпочтения патрилатеральному ортокузенному браку). С другой стороны, после того как подобные культурные паттерны получили распространение, неминуемо должна была обнаружиться высокая функциональная ценность некоторых из этих практик (и в частности, ортокузенного брака), что должно было обеспечить их устойчивое воспроизводство в последующих поколениях. В этом историческом контексте (когда арабы представляли собой доминирующий этнос Халифата) их нормы и практики заимствовались исламизирующимися неарабскими этническими группами, стремившимися к достижению полноправного социального статуса. Таким образом, систематический переход к практике предпочтительного патрилатерального ортокузенного брака наблюдался там, где исламизация сообществ сопровождалась и их «арабизацией». Именно такая ситуация и наблюдалась в Омейядском халифате вплоть до самого конца его существования, 750 г., когда в результате так называемой «Аббасидской революции» неполноправное положение мусульман-неарабов было радикальным образом ликвидировано (см., например: Shaban 1970; Goldstone 2014). Именно данное обстоятельство, по-видимому, и является главной причиной той сильнейшей корреляции, которую мы выше обнаружили между распространением в этнографическом ареале

практики предпочтительного патрилатерального ортокузенного брака и вхождением ареала в состав Омейядского халифата.

Таким образом, ортокузенный брак выступает, по сути, совсем неплохим маркером принадлежности к арабо-исламской цивилизации. Следовательно, имеются основания предполагать, что какие-то характеристики этой цивилизации в современных условиях оказались способствующими социально-политической дестабилизации. В рамках данной работы мы остановимся лишь на некоторых из таких характеристик.

По-видимому, одной из них можно считать сочетание жестких запретов на внебрачные половые связи с целым набором брачно-семейных обычаев, которые в условиях модернизации привели к резкому повышению возраста вступления в брак – в особенности для мужчин (см. ниже Рис. 11, а также, например: Rashad *et al.* 2005: 6; Marks 2011a: 5, 25; 2011b; Puschmann, Matthijs 2012: 15, 19).

Отметим, что традиционно в арабских странах была распространена как раз практика ранних браков – в особенности для женщин (что, впрочем, было типично для подавляющего большинства традиционных обществ [Schlegel, Barry 1991]). Зачастую семья невесты скрывала настоящий возраст девушки, чтобы как можно раньше выдать ее замуж. В свое время Наххас Камел выделял следующие причины ранних браков в арабских странах. Во-первых, с религиозной точки зрения брак – это священная обязанность, Коран поощряет создание семьи и заключение брака. Во-вторых, раннее появление сексуального желания обуславливает необходимость брачного союза, чтобы избежать греха. В-третьих, в арабских странах традиционно принято строгое гендерное разделение. В-четвертых, распространено желание завести детей, как среди мужчин, так и среди женщин. В-пятых, девушка не должна иметь сексуальных отношений с мужчиной до свадьбы, так как в противном случае это поставит под угрозу честь ее семьи и повлечет за собой серьезное наказание (таким образом, семья девушки стремилась раньше заключить брак, чтобы сохранить ее честь) (Kamel Nahhas 1954: 293–300).

Однако в связи с включением всех арабских стран в процессы модернизации наблюдаются очевидные изменения во всех сферах жизни общества, в том числе и в сфере брачно-семейных отношений. При этом на фоне некоторых цивилизационных паттернов они

привели к резкому повышению возраста вступления в брак (в особенности для мужчин). В последние десятилетия модернизация велась к повышению возраста вступления повсеместно, но в арабском мире это явление приняло среди мужчин особо выраженный вид (см. Рис. 11).

Одной из основных причин повсеместного повышения нижней планки брачного возраста является то, что молодые люди все чаще не могут заключить помолвку из-за финансовых трудностей. За последние десятилетия свадьба в исламских странах стала особенно затратной как для жениха, так и для невесты и ее семьи. Жених должен выплатить *махр*⁷ и взять на себя обязательства по полному финансовому обеспечению супруги и детей, при этом размер как официального махра, так и неофициального калыма (плата женихом за невесту ее родителям) в последние десятилетия колоссально вырос⁸.

Таким образом, чтобы свадьба состоялась, нужна значительная сумма денег, и мужчина, ответственный за выплату большей части этой суммы, должен упорно трудиться, чтобы заработать ее. Многие молодые люди после заключения соглашения о помолвке уезжают на несколько лет работать в одну из нефтедобывающих арабских стран, чтобы накопить денег. В среднем до 30 лет рядовой араб-мусульманин не может позволить себе жениться, поскольку он сначала должен найти работу с жалованьем, достаточным для приобретения автомобиля, постройки дома или покупки квартиры, мебели, и, наконец, иметь сумму для уплаты махра за невесту и дорогого свадебного подарка для нее (Шмелева 2003: 67–71).

На традиции пышного празднования арабских свадеб наложились растущая модернизация региона и усиливающийся консьюмеризм, что сделало бракосочетание и сопутствующие церемонии чрезвычайно дорогим удовольствием. В арабских странах молодые люди в возрасте 20–30 лет обычно говорят, что откладывают все, что только могут, для того что-

⁷ Сам термин *махр* в мусульманском семейном праве употребляется для обозначения имущества, выделяемого мужем жене при заключении равноправного брака (*завадж*). Уплата махра является главным условием такого брака и рассматривается как плата жене за брачные отношения. В этом контексте махром может быть абсолютно все, что имеет какую-либо стоимость и на что может быть распространено право собственности (см., например: Spies 1913–1936; Боголюбов 1991: 164).

⁸ Так, скажем, в Ливии еще в первой половине 1970-х гг. (в период нефтяного бума) средний размер выплат за невесту подскочил с 3500 до 35 000 долларов США всего за несколько лет (Toros 1975: 3).

бы иметь возможность жениться через несколько лет (Rashad *et al.* 2005: 6).

Рост расходов на вступление в брак является важной причиной его откладывания. К концу 1990-х гг. средние затраты на вступление в брак в Египте составляли примерно 6 000 долларов США, в то время как годовой национальный доход на душу населения составлял всего 1 490 долларов США. Это объясняет, почему молодым мужчинам и их семьям приходится в течение многих лет экономить деньги для того, чтобы, наконец, сыграть свадьбу (Puschmann, Matthijs 2012: 19).

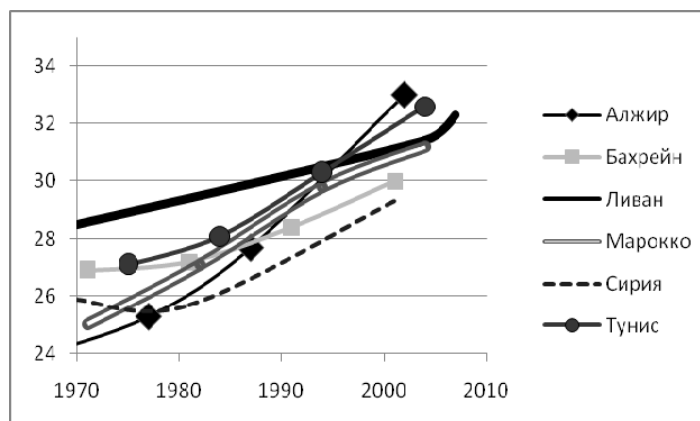

Рис. 11. Динамика среднего возраста первого вступления в брак (лет) у мужчин некоторых арабских стран в последние десятилетия

Источник данных: UN Population Division 2014.

В связи с этим еще в 2005 г. Б. Менш, С. Сингх и Дж. Кастерлайн отмечали:

Откладывание вступления в брак после определенного момента не может считаться универсально положительным, даже если оно было вызвано повышенными ожиданиями, а не ухудшающимися экономическими обстоятельствами. Действительно, поздний возраст вступления в брак, вытекающий из ограниченности ресурсов, не может рассматриваться как желательный для молодых мужчин – он может быть источником фрустрации, особенно в тех регионах, где добрачные половые связи не допускаются⁹ (Mensch *et al.* 2005: 26).

⁹ К странам арабо-мусульманской цивилизации это относится в максимально высокой степени. Именно здесь честь молодой девушки – это высшая добродетель, предмет гордости ее семьи и обязательное условие вступления в брак (подтверждение непорочности невесты –

В этой связи крайне актуальным выглядит тот факт, что неженатые мужчины значительно более склонны к радикализму и экстремистским политическим действиям (вплоть до прямого терроризма), чем женатые мужчины аналогичного возраста, что было показано с использованием прямых эмпирических данных по Египту (см.: Marks 2011a: 9–17). Таким образом, наблюдавшееся в последние десятилетия в большинстве арабских стран значительное повышение среднего возраста вступления в брак среди мужчин можно считать значимым фактором социально-политической дестабилизации в этой части земного шара.

Увеличение возраста вступления в брак становится источником фрустрации... Брак остался одной из главнейших целей молодых людей в арабском мире, и хотя нынешнее поколение молодежи инвестировало больше времени, энергии и денег в образование, чем предыдущие, доступ к браку стал более затрудненным, поскольку сейчас для удовлетворения экономических требований вступления в брак требуется значительно больше времени. Несмотря на то, что при определенных обстоятельствах откладывание вступления в брак может открывать молодым людям и некоторые новые возможности, оно [в арабском мире] в то же самое время ограничивает (особенно применительно к девушкам) возможность свободного распоряжения собой и провоцирует конфликты между родителями и детьми. Это может иметь негативные психологические последствия, поскольку отсрочка вступления в брак [в странах арабо-мусульманской цивилизации] означает задержку в переходе к взрослой жизни. Кроме того, соблюдение требования оставаться девственницами до брака для женщин стало более сложным с увеличением возраста вступления в брак. Это становится еще одной формой стресса, вызванной изменениями брачности. К тому же... не состоящие в браке люди более склонны к протестам, массовым беспорядкам и применению насилия против существующего строя, нежели те, кто в браке состоит. В конце концов, люди, состоящие в браке, имеют больше обязанностей. Они должны заботиться о своих супругах и о детях, если они есть. Это делает их менее готовыми идти на риск, который может привести к травмам, смерти или наказанию, а также иметь серьезные негативные последствия для их семей... Имеется несколько исследований, которые подтверждают, что насилие и социальная неустроенность выше среди (молодых) неженатых мужчин (Courtwright 1998; Daly, Wilson 1990; Sampson *et al.* 2006). Мириам Маркс даже нашла прямые эмпирические доказательства того, что неженатые мужчины в Египте в большей степени готовы проявлять вы-

это подтверждение чести семьи) (Dialmy, Uhlmann 2005: 19). Ритуал подтверждения целомудренности невесты является особенно важным для жениха, так как определяет его мужскую состоятельность и подтверждает статус в обществе.

сокорискованную политическую активность, чем женатые <...> (Marks 2011a). Есть достаточно оснований для того, чтобы добавить изменения брачности к числу важнейших факторов генезиса «арабской весны», так как вышерассмотренные изменения брачности вызывают фрустрацию, психологические проблемы и конфликты внутри арабского общества. Все это склоняет людей к протестам и бунтам. Более того, рост числа неженатых мужчин (и, возможно, незамужних женщин) повышает количество тех, кто готов принять участие в высокорискованных политических действиях (Puschmann, Matthijs 2012: 39).

Библиография

- Акаева Б. А., Кортаев А. В., Исаев Л. М., Шишкина А. Р. 2013. (Ред.). *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Т. 4. Ч. 2. *Центральная Азия: новые вызовы*. М.: ЛЕНАНД/URSS.
- Аль-Джазири А. 1990[1410]. *Китаб аль-фикх ала-л-мазхахиб ал-арбаа. Ал-Джуз ал-салас. Китаб ал-никах, китаб ал-талак* (Книга права в соответствии с четырьмя мазхабами. Часть четвертая. Книга брака, книга развода). Бейрут.
- Аль-Хаким ан-Найсабури. 1998. *Аль-Мустадракаля ас-сахихин*. Аль-Кахира: Дар аль-Маарафат.
- Андреев М. С. 1949. К характеристике древних таджикских семейных отношений. *Известия АН Таджикской ССР*. Т. 15. С. 3–24.
- Андреев М. С. 1953. *Таджики долины Хуф*. Т. 1. Сталинабад.
- Ахмадджонзода А. 1988. О проблеме так называемой мусульманской культуры. *Взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций и культур на Востоке*. М. С. 3–4.
- Боголюбов А. С. 1991. Махр. *Ислам: энциклопедический словарь* / Отв. ред. С. М. Прозоров. М.: Наука.
- Большаков О. Г. 1989. *История Халифата*. Т. 1. *Ислам в Аравии*. М.: Наука.
- Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. 2001. *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*: в 86 т. и 4 доп. т. Т. 14. М.: Терра.
- Ильясов Ф. Н. 1993. Статус группы и цены на брачном рынке в регионах с купным браком (калымом). *Статусная теория цены*. М.: Институт социологии РАН.
- Исаев Л. М. 2011. Лига арабских государств: история создания. *Восток* 3: 87–94.
- Исаев Л. М. 2013a. «Арабская весна» и Лига арабских государств: между Багдадом и Каиром. *Восток* 3.
- Исаев Л. М. 2013б. После Арабской весны: на пути к исламской республике? *Неприкосновенный запас* 5.
- Ишанкулов Х. Г. 1972. *Брак и свадьба у населения Ходженга в Новое время*. Душанбе.
- Кисляков Н. А. 1969. *Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана*. Л.
- Коран / пер. с араб., комм. М.-Н. Османова. 2008. Изд. 3-е, перераб., доп. М.: Дия.
- Кортаев А. В. 1995. «Апология трайбализма». Племя как форма социально-политической организации сложных непервобытных обществ. *Социологический журнал* 4: 68–86.
- Кортаев А. В. 1996a. Два социально-экологических кризиса и генезис племенной организации на Северо-Востоке Йемена. *Восток* 6: 18–28.

- Коротаев А. В. 1996б.** От вождества к племени? Некоторые тенденции эволюции политических систем Северо-Восточного Йемена за последние 2 тысячи лет. *Этнографическое обозрение* 2: 81–91.
- Коротаев А. В. 1997.** *Сабейские этюды. Некоторые общие тенденции и факторы эволюции сабейской цивилизации.* М.: Вост. лит-ра.
- Коротаев А. В. 1999.** О соотношении систем терминов родства и типов социальных систем: опыт количественного кросс-культурного анализа. *Алгебра родства* 3: 117–147.
- Коротаев А. В. 2000а.** От государства к вождеству? От вождества к племени? (Некоторые общие тенденции эволюции южноаравийских социально-политических систем за последние три тысячи лет). *Ранние формы социальной организации. Генезис, функционирование, историческая динамика* / Ред. В. А. Попов. СПб.: Вост. лит-ра. С. 224–302.
- Коротаев А. В. 2000б.** Племя как форма социально-политической организации сложных непервобытных обществ (в основном по материалам Северо-Восточного Йемена). *Альтернативные пути к цивилизации* / Ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Д. М. Бондаренко, В. А. Лыньша. М.: Логос. С. 265–291.
- Коротаев А. В. 2002а.** Проникновение кочевников на юг Аравии и становление племенной организации среди земледельческого населения Северо-Восточного Йемена. *Кочевая альтернатива социальной эволюции* / Отв. ред. Н. Н. Крадин, Д. М. Бондаренко. М.: Ин-т Африки РАН. С. 155–164.
- Коротаев А. В. 2002б.** Северо-Восточный Йемен (I–II тыс. н. э.). *Цивилизационные модели политогенеза* / Ред. Д. М. Бондаренко, А. В. Коротаев. М.: Ин-т Африки РАН. С. 196–223.
- Коротаев А. В. 2003.** Возникновение ислама: политико-антропологический контекст. *Сборник Русского исторического общества* 7(155): 14–24.
- Коротаев А. В. 2006.** *Социальная история Йемена.* М.: УРСС.
- Коротаев А. В. 2013.** Таксим: взгляд с Тахира. *Полит.ру* 29.06. URL: <http://polit.ru/article/2013/06/29/revolutions/>.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М., Шишкина А. Р. 2013. (Ред.).** *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков.* Т. 4. Ч. 1. *Арабский мир после Арабской весны.* М.: ЛЕНАНД/URSS.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011а.** Демографические корни Египетской революции. *Демоскоп* 459–460. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0459/tema01.php>.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011б.** Египетская революция 2011 г. *Азия и Африка сегодня* 6: 10–16.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011в.** Египетская революция 2011 г. Структурно-демографический анализ. *Азия и Африка сегодня* 7: 15–21.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011г.** Египетская революция 2011 года: социодемографический анализ. *Историческая психология и социология истории* 4(2): 5–29.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2012.** Структурно-демографические факторы «арабской весны». *Протестные движения в арабских странах. Предпосылки, особенности, перспективы* / Ред. И. В. Следзевский, А. Д. Саватеев. М.: ЛИБРОКОМ/URSS. С. 28–40.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2014.** О снижении рождаемости как условии социально-экономической стабильности в наименее развитых странах. *Мировая динамика: закономерности, тенденции, перспективы* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков. М.: Красанд/URSS. С. 243–263.

- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В., Ходунов А. С. 2012.** (Ред.). *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Т. 3. Арабская весна 2011 года.* М.: ЛКИ/URSS.
- Коротаев А. В., Клименко В. В., Прусаков Д. Б. 2007.** *Возникновение ислама: Социально-экологический и политико-антропологический контекст.* М.: ОГИ.
- Коротаев А. В., Оболонков А. А. 1989.** Родовая организация в социально-экономической структуре классовых обществ. *Советская этнография* 2: 36–45.
- Коротаев А. В., Оболонков А. А. 1990.** Род как форма социальной организации в работах дореволюционных русских и советских исследователей. *Узловые проблемы истории докапиталистических обществ Востока* / Ред. К. З. Ашрафян, Г. Ф. Ким. М. С. 3–52.
- Куделин А. Б. 1994.** Семейно-брачные отношения в Аравии V–VII вв. и их отражение в ранней арабской поэзии. *Ислам и проблемы межцивилизационных взаимодействий* / Ред. С. Х. Кямилев, И. М. Смилянская. М. С. 181–192.
- Малинин Л. В. 1890.** О свадебных платежах у кавказских горцев. *Этнографическое обозрение* 3.
- Монагарова Л. Ф. 1949.** Язгулемцы Западного Памира. *Советская этнография* 3: 101–116.
- Муслим. 2011.** *Сахих: мухтасар = «Сахих» имама Муслима: Краткое изложение* / Заки-ад-дин ‘Абд-аль-‘Азым ибн ‘Фад-аль-Кавви ибн ‘Абдуллах ибн Салаяма Абу Мухаммад аль-Мунзири (сост.); пер. с араб., прим., указ. А. Нирша. М.: Умма.
- Негря Л. В. 1981.** *Общественный строй Северной и Центральной Аравии в V–VII вв.* М.
- Першиц А. И. 1955.** Из истории патриархальных форм брака (Нахва – ортокузенный брак у арабов). *Краткие сообщения Института этнографии* 24: 43–54.
- Першиц А. И. 1998.** Туареги. *Народы и религии мира* / Ред. В. А. Тишков. М. С. 542–543.
- Пиотровский М. Б. 1977.** *Предание о химйаритском царе Ас`аде ал-Камиле.* М.
- Пиотровский М. Б. 1985.** Южная Аравия в раннее средневековье. *Становление средневекового общества.* М.
- Родионов М. А. 1999.** Еще раз об ортокузенном браке у арабов. *Алгебра родства* 3: 264–266.
- Тищенко С. М., Халтурина Д. А., Коротаев А. В. 2009.** Социально-психологические особенности цивилизаций современного мира. (По результатам проекта «Мировые ценности».) *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков.* М.: УРСС. С. 379–410.
- Толстов С. П., Жданко Т. А., Абрамзон С. М., Кисляков Н. А. 1963.** (Ред.). *Народы Средней Азии и Казахстана.* Т. 2. М.
- Труевцев К. М. 2011.** *Год 2011 – новая демократическая волна?:* препринт WP/14/2011/05. М.
- Французов С. А. 1995.** Этнорелигиозная ситуация в Хадрамауте в VI–VII вв. *Хадрамаут. Археологические, этнографические и историко-культурные исследования. Труды Советско-Йеменской комплексной экспедиции* / Ред. П. А. Грязневич, А. В. Седов. Т. 1. М. С. 314–329.
- Шаниязов К. Ш. 1964.** *Узбеки-карлуки.* Ташкент.
- Шмелева Т. 2003.** Традиции, обычаи, нравы. Египет. Свадебные обряды: история и современность. *Азия и Африка сегодня* 9: 67–71.
- Ahmad. 2012.** *Musnad Imam Ahmad bin Hanbal.* Vol. 1–3. Riyadh: Dar-us-Salam.

- Beeston A. 1972a.** Kingship in Ancient South Arabia. *Journal of the Economic and Social History of the Orient* 15: 256–268.
- Beeston A. 1972b.** Notes on Old South Arabian Lexicography VII. *Le Muséon* 85: 535–544.
- Bergsten C. et al. 2008.** *China's Rise*. Washington D.C.
- Bowersock G. W. 2013.** *The Throne of Adulis. Res Sea Wars on the Eve of Islam*. Oxford: Oxford University Press.
- Courtwright D. 1998.** *Violent Land: Single Men and Social Disorder from the Frontier Land to the Inner City*. Cambridge, MA.
- Crone P. 1987.** *Meccan Trade and the Rise of Islam*. Oxford.
- Crone P. 1991.** Mawla. *The Encyclopaedia of Islam. New Edition* 6: 874–882.
- Daly M., Wilson M. 1990.** Killing the Competition. Female/Female and Male/Male Homocide. *Human Nature* 1(1): 81–107.
- DeJong J., Jawad R., Mortagy I., Shepard B. 2005.** The Sexual and Reproductive Health of Young People in the Arab Countries and Iran. *Reproductive Health Matters* 25: 49–59.
- Dialmy A., Uhlmann A. 2005.** Sexuality in Contemporary Arab Society, Social Analysis. *The International Journal of Social and Cultural Practice* 2: 16–33.
- Dresch P. 1989.** *Tribes, Government, and History in Yemen*. Oxford.
- Ember M. 1983.** On the Origin and Extension of the Incest Taboo. *Marriage, Family, and Kinship* / Ed. by M. Ember, C. Ember C. New Haven, CT. Pp. 65–108.
- Esposito J. 1982.** *Women in Muslim Family Law*. Syracuse, NY.
- Esposito J. 1998.** *Islam: the Straight Path*. 3rd ed. New York; Oxford.
- Fox R. 2011.** *The Tribal Imagination: Civilization and the Savage Mind*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Frantsouzoff S. A. 1999.** Judaism in Hadramawt on the Eve of Islam. *Judaeo-Yemenite Studies. Proceedings of the Second International Congress*. Princeton; Haifa. Pp. 21–32.
- Gajda I. 2009.** *Le royaume de Himyar à l'époque monothéiste. L'histoire de l'Arabie du Sud ancienne de la fin du IVe siècle de l'ère chrétienne jusqu'à l'avènement de l'islam*. Paris: Académie des inscriptions et belles-lettres (Mémoires de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, XL).
- Goldstone J. 2014.** *Revolutions. A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press.
- Haeri S. 2000.** Temporary Marriage and the State in Iran: an Islamic discourse on female sexuality. *Women and Sexuality in Muslim Societies*. Istanbul. Pp. 343–361.
- Hoodfar H. 1999.** In the Absence of Legal Equity: Mahr and Marriage Negotiation in Egyptian Low Income Communities. *The Arab Studies Journal* 6(2/1): 98–111.
- Ibn al-Kalbī. 1966.** Ibn al-Kalbī, Hisha'm Muhammad. *Jamharat al-Nasab* / Ed. by Werner Caskel. Vol. 1–2. Leiden: Brill.
- Kamel Nahas M. 1954.** The Family in the Arab World, Marriage and Family Living. *International Issue on the Family* 4: 293–300.
- Korotayev A. 1996.** "Aramaecans" in a Late Sabaic Inscription. *ARAM* 8: 293–298.
- Korotayev A. 2000.** Parallel Cousin (FBD) Marriage, Islamization, and Arabization. *Ethnology* 39(4): 395–407.
- Korotayev A., Klimenko V., Proussakov D. 1999.** Origins of Islam: Political-Anthropological and Environmental Context. *Acta Orientalia Hung.* 52: 243–276.
- Kurtz S. 2007.** Marriage and the Terror War. *National Review Online*. 02.16.2007. URL: <http://www.eppc.org.previewdns.com/publications/marriage-and-the-terror-war/>.

- Marks M. 2011a.** *The Hazard Posed by and Determinants of Delayed Male Marriage in Egypt*. Master Thesis. Stanford: Stanford University.
- Marks M. 2011b.** Determinants of Delayed Male Marriage in Egypt. *The Stanford Journal on Muslim Affairs* 2(1): 22–29.
- Mensch B., Singh S., Casterline J. 2005.** *Trends in the Timing of First Marriage Among Men and Women in the Developing World*. New York, NY.
- Murdock G. 1967.** *Ethnographic Atlas: A Summary*. Pittsburgh.
- Murdock G., Textor R., Barry III H., White D. 1990.** Ethnographic Atlas. *World Cultures* 6(3).
- Murdock G., Textor R., Barry III H., White D., Divale W. 1999–2000.** Ethnographic Atlas. *WorldCultures* 10(1): 24–136.
- Pasternak B., Ember M., Ember C. 1997.** *Sex, Gender, and Kinship. A Cross-Cultural Perspective*. Upper Saddle River, NJ.
- Puschmann P., Matthijs K. 2012.** *The Janus Face of the Demographic Transition in the Arab World. The Decisive Role of Nuptiality*. Leuven.
- Rashad H., Osman M, Roudi-Fahimi F. 2005.** *Marriage in the Arab World*. Washington, DC.
- Robin C. 1982a.** *Les Hautes-Terres du Nord-Yémen avant l'Islam*. Istanbul.
- Robin C. 1982b.** Esquisse d'Une Histoire de l'Organisation Tribale en Arabie du Sud Antique. *La Péninsule Arabique d'Aujourd'hui. Etudes par pays* / Ed. by P. Bonenfant. Paris.
- Robin C. 1991.** La Pénétration des Arabes Nomades au Yémen. *L'Arabie Antique de Karib'il à Mahomet. Nouvelles Données Sur l'Histoire des Arabes Grâce aux Inscriptions* / Ed. by C. Robin. Aix-en-Provence. Pp. 71–88.
- Rosenfeld H. 1957.** An Analysis of Marriage Statistics for a Moslem and Christian Arab Village. *International Archives of Ethnography* 48: 32–62.
- Ryckmans J. 1974.** Himyaritica (4). *Le Muséon* 87: 493–521.
- Sampson R., Laub J., Wimer C. 2006.** Does Marriage Reduce Crime? 'A Counterfactual Approach to Within-Individual Causal Effects'. *Criminology* 44(3): 465–508.
- Schacht J. 1964.** *An Introduction to Islamic Law*. Oxford.
- Schlegel A., Barry H. 1991.** *Adolescence: An Anthropological Inquiry*. New York, NY: Free Press.
- Serjeant R. 1989.** Introduction. *Gazetteer of Historical North-West Yemen in the Islamic Period to 1650* / Ed. by R. Wilson. Hildesheim. Pp. IX–XII.
- Shaban M. 1970.** *The Abbasid Revolution*. Cambridge.
- Siddiqui M. 1995.** Mahr: Legal Obligation or Rightful Demand? *Journal of Ulnic Studio* 6(1): 14–24.
- Spies O. 1913–1936.** Mahr. *Encyclopaedia of Islam*, First Edition / Ed. by M. Th. Houtsma, T. W. Arnold, R. Basset, R. Hartmann. Leiden: Brill.
- Toros H. 1975.** Bride Price Inflation Soaring. *Daily News* 214, 08.09. P. 3.
- UN Population Division. 2014.** *World Marriage Data 2012* (POP/DB/Marr/Rev2012).
- Wolman D. 2008.** Cairo Activists Use Facebook to Rattle Regime. *Wired Magazine* 16/11. URL: http://www.wired.com/techbiz/startups/magazine/16-11/ff_facebookegypt.
- World Bank. 2013.** *World Development Indicators Online*. Washington, DC: World Bank. URL: <http://data.worldbank.org/indicator>.